

Лун Чи ощутила, как глаза её наливаются тяжестью, скулы сводит боль, а горло сжимается от комка. Она не хотела плакать, правда, она совсем не хотела плакать.

На обратном пути она даже помогала другим бороться с зомби.

Она вернулась, а её наставник уже умер!

Ван Эргоу, держа в руках урну с прахом, подошёл и опустился на колени, чтобы собрать останки даоса Саньту.

Он был подкидышем, которого нашли в деревянной корзине, плывущей по реке, и принесли к старосте деревни. На его спине была отметина злого духа, и никто не знал, что это такое. Деревенские говорили, что он — реинкарнация злого духа, и никто не решался его усыновить. Некоторые предлагали утопить его, другие — вернуть в корзину и отправить по течению реки. Даос Саньту забрал его к старому Вану. У старого Вана была хромота и слепота, его семья давно вымерла, и он остался один. Все говорили, что он крепок жизнью, но приносит несчастье своим близким.

Старый Ван приютил его и дал имя — Эргоу.

Он не называл старого Вана отцом, всегда обращался к нему как к дяде, но старый Ван относился к нему как к родному сыну. Когда ему исполнилось восемь лет, старый Ван умер от болезни, и он снова стал сиротой. Никто не хотел его усыновлять, деревенские избегали его, как чумы, а дети издевались над ним. Даос Саньту научил его приёмам самозащиты, каждый месяц давал немного серебра на жизнь, учил его грамоте вместе с Сяочи и объяснял, как жить правильно.

Даос Саньту сказал, что отметина злого духа на его спине имеет свою историю, и он не может помочь ему снять печать, а также не может официально взять его в ученики. Он мог лишь научить его внешним приёмам для самозащиты и объяснил, что, независимо от того, что он несёт на себе — духа, демона или бога, — если его сердце чисто, а поступки праведны, то сплетни и пересуды других — это всего лишь шум ветра. Герой не определяется своим происхождением, и настоящий мужчина должен стоять твёрдо, как гора.

Он носил на себе отметину злого духа, и деревенские презирали его, но он не чувствовал себя ущемлённым и не испытывал к ним ненависти. Даос Саньту говорил, что он отличается от них, что он не обычный человек, не простой смертный, и должен понимать, что отношение деревенских к нему — это лишь результат их невежества и страха.

Быть не таким, как все, — это не повод для стыда, это знак необычности.

Как настоящий мужчина, он не должен быть высокомерным, но должен иметь твёрдый характер, терпимость к другим, сострадание к слабым и бесстрашие перед злом...

Даос Саньту воспитал его, научил его, хотя никогда официально не брал в ученики, но в его сердце он всегда был его наставником.

Ван Эргоу тщательно собрал прах даоса Саньту в урну, боясь упустить что-то, чтобы прах наставника не остался неполным. Он аккуратно сложил даже одежду и положил её в урну. Закрыв крышку, он передал урну Лун Чи:

— Сяочи, прими мои соболезнования.

Он помолчал, затем добавил:

— Если тебе тяжело, поплачь.

Лун Чи действительно хотелось плакать. Из всей деревни остались только она и Ван Эргоу.

Но она не могла плакать и не видела смысла в слёзах.

Она поднялась, взяла урну с прахом наставника, сделала несколько шагов и сказала Ван Эргоу:

— Найди ещё урн. Мы похороним деревенских.

Ван Эргоу кивнул:

— Хорошо.

Он встал и отправился заниматься этим, поехав в город за благовониями, бумажными деньгами и урнами.

Он видел, что Лун Чи всё ещё заботится о погребении деревенских, и знал, что она не собирается сдаваться, пока не отомстит за даоса Саньту.

Лун Чи, держа урну с прахом, направилась к Трупному берегу, чтобы отнести наставника домой.

В любом случае, наставник умер, и, как ученик, она должна устроить ему поминальную церемонию.

Она прошла недалеко, как заметила, что со стороны Трупного берега поднимается иньская ци, а зловещая энергия клубится в воздухе. В деревне светило яркое солнце, но на Трупном берегу царил тьма, и небо было затянуто тучами.

Семирусная башня стояла у берега, а на ней, под ней и в реке были видны бесчисленные бродячие мертвецы и монстры.

Недавно погибшие разбойники из Крепости Восьми Врат тоже смешались с этими трупными монстрами, став их частью, и теперь расчищали русло реки.

Русло было заблокировано затонувшими кораблями, которые мешали не только людям, но и духам из погребальных ладей.

Лун Чи осторожно поставила урну с прахом на каменную плиту у дома. Эта плита находилась у входа в дом, рядом с колодцем, и обычно использовалась для стирки.

Она положила урну, медленно вытащила меч из-за спины и шаг за шагом направилась к Трупному берегу.

Лун Чи шла медленно, но каждый её шаг был наполнен силой. С каждым шагом её убийственная энергия усиливалась, а ци меча становилась всё острее. Она крепко сжимала рукоять меча, остриё которого было направлено вниз, и от кончика меча исходил свет, оставляя глубокие следы на земле.

Вскоре она оказалась у Трупного берега.

Она увидела, что её дом исчез, а на его месте осталась только пустота. Вещи из дома были разбросаны повсюду, ни одна не уцелела. Даже горшок разбился на куски, а банка с пятицветным рисом лежала на земле, и большая часть риса пропала, остались только чёрные остатки.

Лун Чи почувствовала, как в её груди бушует энергия, и её сердце и грудь словно готовы были взорваться.

Она издала пронзительный крик и, размахивая мечом, бросилась на трупных монстров, которые тащили брёвна от затонувших кораблей.

Меч взметнулся — и головы полетели!

Лун Чи ворвалась в толпу монстров, которые, не ожидая атаки, были срублены, как капуста.

Она пробивалась сквозь монстров, направляясь к Семирусной башне.

Она никогда не видела такого высокого корабля!

Он стоял в нескольких шагах от берега, а борта возвышались над водой на пять-шесть чжан. Бронзовый корпус корабля был покрыт цепями, на которых висели монстры с зелёной чешуёй. Каждый из них был не слабее тех, что висели на бронзовом гробу Си Я. Они, словно почуяв добычу, стали прыгать в воду и быстро плыть к берегу. Выбравшись на сушу, они бежали на четвереньках, как обезьяны, и бросались на Лун Чи, которая шла к Семиярусной башне.

Их острые когти сталкивались с мечом Лун Чи, издавая металлический звон.

Лун Чи громко крикнула:

— Меч, разящий реку, пробивает осеннюю воду!

Её меч словно превратился в ледяные клинки, которые разлетались в стороны, срезая монстров.

Её техника меча была изумительной, она почти касалась когтей монстров, но точно попадала в их Врата духов под горлом.

Один удар — и меч выходил, вынося с собой облако иньской ци и сильный запах гнили. Монстр падал на землю и быстро высыхал.

Лун Чи атаковала с невероятной скоростью. Она практиковала меч шестнадцать лет, но никогда ещё не использовала его с такой свободой и безжалостностью. В её глазах были только эти монстры, и, даже если они окружали её, как волны, она не испытывала страха.

На палубе появилась изящная фигура. Она стояла у борта, подперев подбородок, и с интересом наблюдала за тем, как Лун Чи сражается с монстрами на берегу.

Техника меча была похожа на ту, что она видела вчера у мечника. Судя по возрасту и мастерству, это был его ученик.

Чжэнь Инь улыбнулась и крикнула:

— Девочка, ты пришла отомстить за своего наставника?

Её поза была расслабленной, а облик — соблазнительным.

Лун Чи не обратила на неё внимания, продолжая убивать монстров и приближаясь к Семиярусной башне.

Чжэнь Инь улыбнулась ещё шире и продолжила:

— Эй, девочка, горевать — это нормально, каждый горюет, когда теряет наставника, но твой наставник не воскреснет. Смотри, ты в таком юном возрасте уже освоила ци меча, в твоих ударах чувствуется сила, и твоя энергия довольно сильна. Эй, я вижу, у тебя на запястье браслет — это артефакт, да? И уровень его довольно высокий. Эх, далеко, не разглядеть... Старость, старость, глаза уже не те...

— В общем, я вижу, у тебя есть потенциал, зачем тебе сдаваться?

— Твой наставник умер, но ты не сможешь его вернуть, лучше сохрани себя, чтобы потом снова взять меч...

— С такой фигуркой и внешностью, если ты поднимешься на корабль, я не знаю, стоит ли тебя брать или нет.

Лун Чи гневно крикнула:

— Заткнись!

<http://bllate.org/book/15297/1351343>